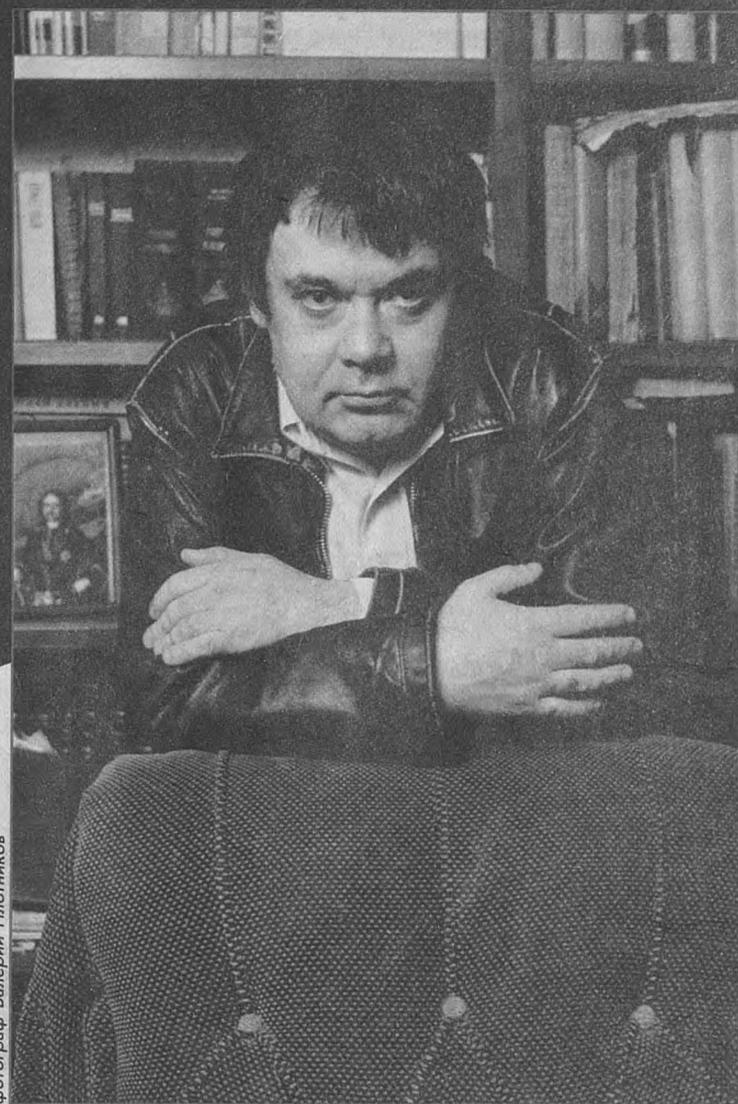

АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН:

МЫ С НИКИТОЙ МИХАЛКОВЫМ НА РАЗНОЙ ЗЕМЛЕ ЖИВЕМ

фотограф Валерий Плотников

Алексей Герман уже полных семь лет снимает свою новую картину «Хрусталева, машину!» Кто-то по этому поводу иронизирует, а кто-то с нетерпением ожидает очередного шедевра. На «Ленфильме» старожилы рассказывают, что практически после каждой картины, попадая в опалу к начальникам, Герман оставался крупнейшим авторитетом для студийных режиссеров, к мнению которого внимательно прислушивались — в том числе и номенклатурные художники. Он был, выражаясь современным языком, режиссером «в законе». Правда, каждый такой «наезд» сопровождался желанием Германа перебраться в Москву. Сегодня же «наездов» нет. Но стремление сменить среду обитания почему-то осталось.

— Я слышал, в этот раз вы решили перебраться в столицу окончательно. Долго решались! Москва ведь совершенно другая страна.

— Москва — город злой, а Ленинград... Это как в Японии Киото, такое отдохновение для глаз. Старые храмы, тишина, но это еще не значит, что там следует жить. Питер — затухающий город...

— Алексей Юрьевич, кончается седьмой год, как вы начали «Хрусталева...» Неужели фильм все же будет закончен!

— Картина закончена, смонтирована, даже кому-то показана. Осталось озвучить, свести пленки и печатать копии. По западным меркам она уже готова. Но не по нашим. Сейчас мы вступили в полосу заключительных, но ужасных мучений, усугубляемых тем, что мне просто негде жить. Ремонт в мансарде затягивается, а из Репино (пригород С.-Петербурга. — Авт.) ездить тяжело, я уже старый: два с половиной часа за рулем машины на дороге плюс — там же обеда, тут ужин уже холодный. Болит живот, и становится противно.

— И стоила ли игра свеч, если говорить откровенно! Ведь «Хрусталева...» многие сочтут просто не актуальным...

— Чем дальше я думаю о своей картине, тем больше убеждаюсь, что она не про сталинские времена, а про наши дни. Я глубоко убежден, что все, что сделали с моим героем, можно сделать и сейчас. С вами, со мной, с Немцовым, с Ельциным — с кем угодно. Запомать человека ничего не стоит... Думаю, кроме двух газет, Потанину надо вкладывать деньги в художественное кино. Потому что художественным способом людей можно вообще раком поставить. Не зря Хотиненко сейчас стал снимать картину про Лужко-

ва. Лужков умный, он понимает, что художественной формой можно достичь гораздо большего.

Хотя, скажем, я телевизор включаю только специально. Вот смотрел недавно Кончаловского, он всегда говорит хорошо, он умный. Жизнь свою он, конечно, проиграл, потому что мог стать крупнейшим режиссером нашего века, но не стал. А брата его, Никиту, мне всегда слушать неинтересно. У них странный люфт существует — Андрон реализовал себя на 10 процентов, а Никита на все 150, если не больше. Но оба очень интересные режиссеры, без них было бы скучно, потому что никто в мире ни о ком из нас не слышал, — знают только их.

— Говорят, Каневский (за фильм «Замри, умри, воскресни») и Лунгин (за «Такси-блюз») получили в Канне свои призы только потому, что вы были в том сезоне членом жюри.

— В общем, да. По большому счету каннское жюри мало чем отличается от других. Естественно, все его члены подвержены влиянию. Почему-то в тот раз Бертолуччи, председатель жюри, на них не выносил картину «Такси-блюз» — каждый раз начинал заседание с предложения выбросить ее из обсуждения. А я встал на рога. И поскольку Бертолуччи представил меня жюри как крупного художника, то мы со Светланой Олеговной (Светлана Кармалита и жена Германа, и его постоянный соавтор. — Авт.) создали там достаточно оппозиционную группу и с нами были вынуждены считаться.

— Вы согласны с Ми-

халковым, который топтал землю после того, как Тарантино в том же Канне со своим «Криминальным чтением» получил главный приз, а Никита и его «Утомленные солнцем» поделил второй приз с китайцем!

— Я ни в чем и ни по какому поводу не согласен с Никитой Михалковым. Мы с ним противоположные люди. Я могу с ним согласиться только по линии искусства. Например, в том, что он снял очень хорошую и во многом новаторскую картину «Свой среди чужих, чужой среди своих». Я готов согласиться, что «Механическое пианино» хорошая картина, хотя и местами вторичная, хорошая картина «Обломов». На этом Никита Сергеевич Михалков как кинорежиссер для меня кончился. А по линии общественных позиций мы с ним на разной земле живем.

— Я имею в виду решение жюри. Было ли оно, на ваш взгляд, справедливым?

— Не было. Ему вообще ничего не нужно было давать. Покойный Кайдановский (он был в тот год одним из членов жюри. — Авт.) мне когда-то говорил, что этот приз для Михалкова выдавал он. Был бы я тогда в жюри, не дал бы этой картине ничего. Мне такое искусство не нравится. Оно не имеет никакого отношения к реальности.

— То же можно сказать и о شماх к «Хрусталеву...».

которые вы, говорят, писали несколько месяцев!

— Полтора. Но это поддела — то, что мы ввели дополнительные эффекты, не все сразу и заметят. Проблема в речевом озвучании — картина снималась долго, и у нас много людей умерло. Мальчики за это время выросли и стали совсем другими. И всех их надо как-то заменять. Кроме того, начинали мы во времена, когда билеты стоили недорого... Мы радовались тому, что одну артистку берем из Братска, другую — из Иркутска. Сейчас билеты в эти города стоят запредельные деньги. А в Ленинграде не хватает артистов, которыми можно заменить недостающих людей. Светлана недавно была в Москве, позвонила Сереже Соловьеву и спросила, нет ли у него какого-нибудь талантливого человека, который разбирается в голосах при озвучании. Сережа сказал: был какой-то один гениальный парень, после смерти Шукшина он нашел человека, который Шукшина озвучил. Светлана, когда это услышала, заплакала. Все надежды рухнули — я нашел им этого актера, Иго-

ря Ефимова. История сделала круг...

Но в декабре мы обязаны закончить картину. Иначе французский продюсер, который уже много раз обещал повеситься, может выполнить свое обещание.

— Вы как-то обмолвились, что и после переезда будете снимать только на «Ленфильме». Вы не считаете, что студия переживает последнюю агонию!

— Я уезжаю, и у меня, как вы понимаете, нет никакой задачи дружить или не дружить с Виктором Сергеевым, ставшим директором «Ленфильма», я совершенно не поклонник его фильмов (последняя крупная работа Сергеева — «Шизофрения». — Авт.), но с ним я связываю определенные надежды. Мне это легко говорить, потому что в январе мы распрощаемся, это точно...

Виталий КНЯЗЕВ.

Совеседник — 1997 — № 44 — с. 24